

Олег Лукошин

Стихотворения

Олег Лукошин
Стихотворения

«Издательские решения»

2018

Лукошин О.

Стихотворения / О. Лукошин — «Издательские решения», 2018

ISBN 978-5-4490-8251-0

Известный прозаик Олег Лукошин предстаёт в этой книге в необычной для себя роли рифмоплётчика, верлибриста и неистового бурильщика самых глубоких слоёв человеческого сознания.

ISBN 978-5-4490-8251-0

© Лукошин О., 2018
© Издательские решения, 2018

Содержание

Предисловие автора	6
Огненные ночи	7
Суровый декаданс	13
Мантра дьявольской любви	13
«Серые тени лягут на плечи...»	14
«Мимо пройдут года ...»	15
«Я миллиарды лет наблюдал за звёздами...»	16
Впереди – вечность	17
Откровение	18
«Ты являлась в виденьях, в эротических снах...»	20
Небесная танцовщица	21
«Беглые грёзы раскаяния...»	22
«Липкие испарения памяти вновь...»	23
«Я велик в своём одиночестве...»	25
«Мрамор дробился, и белый...»	26
Дежа вю	27
«Мне нравилась женщина... Женщина? Нет...»	28
Огонь	30
Аттила	31
«Усталые грёзы тревожны...»	33
«Ласковые тени, будущего сны...»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Стихотворения

Олег Лукошин

© Олег Лукошин, 2018

ISBN 978-5-4490-8251-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Я писал стихи до двадцати четырёх лет. Все мои поэтические опыты, за исключением нескольких переводов, остались в двадцатом веке и не перешли в век двадцать первый.

Считая себя в первую очередь прозаиком и готовясь к большой писательской славе (ха-ха!), я относился к рифмоплётству несколько пренебрежительно и обращался к нему крайне нерегулярно. В какой-то момент мне пришлось и вовсе усомниться в целесообразности поэтической деятельности, посчитать её нелепым и даже постыдным занятием, нажать на Большие Поэтические Тормоза и никогда не жалеть о том, что больше я не насилую себя поиском рифм и ритмических конструкций. В сознании моём укрепилось понимание о своём поэтическом творчестве как о забавном, но в целом бесплодном периоде жизни.

Однако, переступив рубеж сорокалетия и ведомый странными ностальгическими позывами, я стал раз за разом обращаться к своим поэтическим произведениям и неожиданно для себя обнаружил, что были они вовсе не так уж плохи, как казалось мне порой в прошлом.

Цикл авангардных стихов «Гимны накануне» видится мне сейчас и вовсе чрезвычайно оригинальным и дельным погружением в тёмные пустоты творчества и человеческого сознания. Более традиционный (и более ранний) цикл «Суровый декаданс» при всей его подростковой депрессивности и сюрреалистической напыщенности тоже обладает хорошим и цельным замесом. Любопытными показались мне сейчас и тугой венок сонетов (конструкция собственного изобретения) «Покорение Эдема», и даже написанная в пятнадцатилетнем возрасте поэма «Огненные ночи». В них есть свой сдвиг, своя интонация, своё бурление. Определённое литературное вещество таится и в переводах.

Прекрасно понимая, что никому, по большому счёту, кроме меня самого эта книга не интересна, я всё-таки рискнул оставить в истории робкий электронно-печатный отпечаток одного из человеческих сознаний в самый, пожалуй, интересный период его жизни. Этот период – промежуток между детством и взрослой жизнью. Период бурлящий, отчаянный, восторженный. Период, наполненный большими ожиданиями и светлыми, но несбыточными надеждами.

Огненные ночи Поэма

Я родился
душным вечером,
в обрамлении пальм,
под опахалами евнухов,
Абсолютом благословенный.
И запах падали смутно ощущался в воздухе,
и чёрные птицы
тревожно кружились в небе,
и колкие травы
игриво ласкали тело.
Негритянка – мать моя – заверещала
И, стоя под грозными сводами
Мраморного дворца,
Мутными белками глаз
Взирала на меня печально.
Жаркие ветры зной
несли из пустынь
и, обвевая меня, улетали.
И мир,
этот мрачный,
безумный колосс,
принимая моё крохотное сознание,
оставаясь внешне спокойным,
почти безразличным,
бестрепетным,
совершил вдруг одно колебание
в безднах своей таинственности;
и, почувствовав его,
изведав
страх, бывший тем движением,
осознал я внезапно
и внезапно постигнул
мощь своего величия.

Воздух
обучил меня дыханию,
а земля – движению и покою.
Но суть окружающего не всегда
проявлялась мне отчётливо
и естественно:
часто не мог я понять
структуру сфер и строение
отдельных частей мироздания.

Мне казалось, что они
не соотносятся
с моим существованием
и развитием;
и перестав воспринимать их разумом,
я поглощал эти странные отражения
лишь какими-то
неведомыми чувствами,
что скрывались во мне —
и тайна
превращалась сейчас же в явь
и одаривала меня
истиной.

Почему-то нежность казалась злобой,
почему-то это казалось мне...
Ибо звери
при моём появлении
глухо рычали
и скалили
свои алчные, беспощадные дёсна,
что вырывали клочья мяса
из доверчивых
и послушных тел.
Но вникая
в их сморщенные души,
я обжигал их
холодом отчаяния,
и, поняв,
кто я есть в действительности,
они сникали,
и глаза их тускнели;
смирненно подползали они
и лизали
мои тонкие, белые ладони,
в чьих венозных изгибах
было спрятано
моё прошлое,
настоящее,
моё будущее...
А потом они убежали вдаль,
унося свой стыд
и моё к ним презрение.

И волны шуршали о гальку,
и скалы
молчали грозно;
и отламывая камни от породы,
я рассматривал их на свет,

ощущая шершавость
и тяжесть их;
и не выдержав
трепета моих рук,
они размывали свои очертания —
ускользая,
сочились сквозь пальцы,
и обагрjali нежный песок
каплями застывающей ртути.
Я брал в свои руки травы,
сладкие плоды
и цветы;
я прижимал их к лицу,
я вдыхал
переливчатый аромат их беспечности.
Но чуя моё дыхание,
сущность которого – ненависть,
они дрожали, корбились,
сохли
и отдавали свою жизнь ветру.
А он – лёгкий,
но всё же коварный,
завывал
и будто бы радовался,
поглощая новые атомы...
Я прах их сдувал
и, кружась,
тяжело опускался на землю он
чёрными снежинками горести.

Я тревожно
взирал на людей,
что порой
возникали в отдалении,
словно призраки
из моих видений;
они и были призраками —
я знаю,
я дивился
их чудной похожести
на меня, а ещё изумлялся
возможности этого сходства.
Уходили они —
пугливые, странные —
вдаль
и исчезали в тумане.
А затем умирали нервно,
разлагались,
гнили смрадно

и мерзко;
и присев на корточки в задумчивости,
я рисовал на телах их узоры,
печальные и грозные картины.
Их понять было трудно другому —
там небо
вливалось в землю
и, излучая
белёсо-дымную лазурь,
отражало его обречённость.
Они мудры были, те картины —
мудры, благолепны, прекрасны,
но понять их
было трудно и мне.

Единственная
из тех существ,
единственная,
принятая за равную,
женщина,
рискнувшая быть рядом,
была спокойна, тиха,
угрюма,
но,
как ни странно,
красива.
Она совсем не казалась смертной,
не казалась женщиной,
человеком,
но ты знаешь,
о правый глаз мой,
ведающий бликами снов
и видящий тайны многия,
она горько и слёзно раскаялась
о том,
что повстречалась со мною.
И те немногие,
смысл имени моего
знавшие,
что, дрожа, издавали уста,
а также имени чёрного лебедя,
что, крича,
кружился в поднебесье,
указывая дорогу к Солнцу,
были раздавлены
сосновыми ступнями рока,
и будто видел я,
как сливались они с бесцветием,
покрывались коростой забвения

и, быть может,
пылинкой лишь жалкою
беспокоили мир
существованием.
Как та,
как та несчастная женщина.

А я,
одурманенный цветом горных вершин,
близостью и ясностью смерти
и чем-то ещё,
что тяжёлым, мучительным гнётом
проникало в меня,
и гнёт тот был
самым страшным
из всех изведанных —
я так и не оправился
от его веяний —
убегал
в благословенный
и милый край —
город танцующих лилий
и каменных дев,
молчаливых и опасных,
одиноких, обиженных, но
трепетно жаждующих ласк.
Здесь, при становлении звёзд
определённым
и никому не ведомым порядком,
при увлажнении земли
холодной росой тоски,
при сочетании
нескольких волшебных слов,
что называло мне изредка
одинокество,
испытывал я
единственное чувство —
чувство горечи,
бывшее в то же время величием.
Ибо в этот грозный час
наступали
огненные ночи...

Буйного языка пламени,
что пожирает суть настоящего,
отражаясь
на оболочке глаз,
возводили полотна вечности
и сливались

с карим цветом
моего естества;
быкоголовые всадники
пытались пронзить
моё тело стрелами,
но промахивались
и исчезали в неведомом;
духи
овевали меня
своими чарами,
но, почувствовав искры
моей чакры,
уносились прочь,
сердитые и скорбные.
Время,
замкнув свой бег
в хрустальной спирали выкуума,
взлало
и оставило печать свою
спиралью той
на груди моей.
И клетки
моего странного тела
превращались в слизь
и растекались,
сливаясь
с движением
огненных ночей,
замедляя бег их,
но придавая упругости
и гибкости им.
И будучи
едиными в жизни
и почти
равными в смерти,
уносились мы отрешённо
в иные сути
и сферы,
становясь
самою Вселенной...

Суровый декаданс

Мантра дьявольской любви

В миллионах тусклых глаз —
Харе! Харе! —
Вязнул я, и жил не раз
В каждой паре.

Но в одних очах лишь я,
Как в пожаре,
Истлевал до угля —
Харе! Харе!

Те глаза в кошмарном сне —
Рама! Рама! —
Освещало тускло мне
Страсти пламя.

И шакалий злобный стон
Возле храма
Будоражил этот сон —
Рама! Рама!

А потом в миру людей —
Харе! Харе! —
Повстречался чудом с ней
В смрадной гари.

И случилось, грея кровь
В потной мари,
Мне познать её любовь —
Харе! Харе!

Эти чувства, этот ток —
Рама! Рама! —
Разогнал гнетущий смог
Жизни хлама.

И без лишних скорбных слёз
И без срама
Я увидел царство грёз —
Рама! Рама!

«Серые тени лягут на плечи...»

Серые тени лягут на плечи
В утренний час тишины.
Я замираю; хочется лечь и
Слиться со мраком стены.

Пусть проникают в моё подсознание
Тихие образы снов.
И перепонки почувют рыданье
Мёртвых, гниющих богов.

Я улыбнусь ядовитым оскалом,
Вспомнив прошедшую ночь,
Вспомнив, как, тьмою объята, сверкала,
Жизнь, уносимая прочь.

И, исчезая, сочилась влага
Между расселиной скал.
И отражали биение флага
Тысячи мрачных зеркал.

И, освежившись, мгновения страха
В памяти цепкой моей,
Вдруг улетают частицами праха
В царство ушедших людей.

Я наблюдаю рождение Солнца,
Я восхищаюсь им.
Плавно струится сквозь злые оконца
Лёгкий, рассеянный дым.

Нервно стремится душа в поднебесье,
Мечется вновь и вновь...
Может быть скоро, может быть весь я
Тихо засохну, как кровь.

«Мимо пройдут года ...»

Мимо пройдут года —
Сквозь кружева паутины;
Я здесь останусь всегда,
Будучи месивом глины.

Узкая скромная щель,
Света полоска часто
Будет садится на мель
В замке моих причастий.

Я раздвигаю тень
Я открываю веки —
Жирный и скользкий день
Ловит мгновения неги.

Я превращаюсь в дым,
Я оставляю время,
Зная, что став седым,
Уж не исторгну семя.

Стадом лихой саранчи
Я опрокину стену,
Ту, за которой кричит
Зверь с перекушенной веной.

Тёплый кровавый град
Мне оросит всё тело.
Я погружаюсь в смрад,
Я продолжаю дело...

«Я миллиарды лет наблюдал за звёздами...»

Я миллиарды лет наблюдал за звёздами.
Я тихо смотрел на них,
пребывая в задумчивости.
Тускло мерцая
сквозь чёрный занавес космоса,
они иногда вспыхивали,
но тут же гасли,
отдавая своё сияние
Бесконечности.
Я знал – где-то погибала жизнь.
Я завидовал тем существам,
удостоившимся счастья сгореть
в этой огненной пучине страсти...

Я миллиарды лет мечтал о Величии.
Я хотел стать огромным,
как Космос,
мудрым,
как Неизвестность,
и безмолвным,
как Вечность.
Властно сжимал бы я Время,
весело взирая в пустоту
и нежно сотрясая мир
толчками безумия...

Я миллиарды лет
оставался песчинкой Вселенной.
Я миллиарды лет
существовал по законам песчинки.
Рождался, жил, умирал
и снова рождался,
чтобы после надежд и смятений
снова уйти в неизбежное...
Тихо погружался я в плавные реки мысли...
Мечтая сгореть в рождении сверхновой,
мечтая растянуться
в Пространстве и Времени Бесконечностью,
мечтая познать суть мироздания...
Но оставаясь
лишь одной из миллиардов песчинок.
Лишь одной из песчинок...

Впереди – вечность

Мне достаточно дня,
Мне хватило бы ночи,
Чтоб понять суть огня
И развернуться в клочья.

Я бы жаждал секунд
Окончания мира
Чтоб не чувствовать грунт
По прошествии пира.

Ощущать бы в груди
Не реальность – конечность.
Но, увы, – впереди
Ждёт меня только вечность...

Откровение

Минуту назад
исчезало Солнце
и мне показалось —
умирает небо.
Но мгновением позже я подумал,
что ошибся,
а ещё мгновение спустя
уверовал
в правоту своих чувств.

Я ненавижу ночь
и, хотя не слишком люблю день,
предпочитаю всё же
находиться в нём,
чем в ней.

А минуту назад
что-то
вроде ледяного сквозняка
кольхнулось
в гулкости моего космоса,
и одно
из тайных желаний,
не выдержав мук смиренности,
возжаждало
быть признанным
и, отрешившись
от спутанной цельности,
унеслось за горизонт.

Я почувствовал
странную лёгкость
и правоту свою
перед Луной – утешением ночи
и тяжкую вину перед Солнцем,
суть которого
неизвестна,
а близость
опасна.
И всё это
лишь минуту назад —
и как странно
и страшно...

Минуту назад последнее

необъяснимое
и зловещее эхо,
отразившись
от мякоти моих костей,
вакуума моих глаз
и горести моих слёз,
которых не было
и которые
я придумал сам,
когда-то давно,
унеслось в вышину,
в царство духов,
в вечное благоухание озона.

И духи
сказали мне:
«Радуйся!
Ведь минуту назад
ты ступил
на тропинку Вечности,
понял истину белизны
и обрёл
Бессмертие».

«Ты являлась в виденьях, в эротических снах...»

Ты являлась в виденьях, в эротических снах,
Возникая мгновенно и как будто невинно,
Воскрешая собой затаившийся страх
Белоснежно-хрустальной лавиной.

Застывая на дереве гладкой смолой,
Ты плела паутины волшебных кошмаров,
А стекая по телу горячей слезой,
Обожгла его каплей пожара.

Ты как демон ночей поселилась в груди,
Полонила свободу в объятьях;
Огнеоких озёр и морей посреди
Я порой забывался в проклятьях.

Ты исчезнешь? А может когда-то я сам
Отдалюсь от тебя в неизбежность;
Я прошу тебя – чтоб не досталась врагам —
Забери мою кроткую нежность.

Растопи её в горне своей пустоты,
Разложи на молекулы злости.
Я познал белизну и распад красоты,
Оттого-то покрылся коростой.

Небесная танцовщица

Она танцевала прекрасно,
Кружилась как буйная птица.
Глаза опалила красным
Безбрежно-волнистым ситцем.

Чечёткой шальных ударов
Дробила на части сердце
И в лежбище грустных кошмаров
Открыла тихонько дверцу.

Ветрами волшебного платья
Она оевала вершины
И чудных движений заклатьем
С собой зазывала в пучину.

И будто казалось – вот сила,
Вот кроткая прелесть мгновенья;
Казалось... но небо гасило
Печаль своего откровенья.

«Беглые грёзы раскаяния...»

Беглые грёзы раскаяния
Мир, становившись видением,
С диким почти изумление
Мне приносил в оправдание.

«Липкие испарения памяти вновь...»

Липкие испарения памяти вновь
клубятся загадочно,
вновь
счищают неведомо ржавчину
с потерянного было времени:
красное сливается с бездною,
и неизвестность,
становящаяся изведанным,
обрекает меня на злорадство...

Я полжизни провёл с существами,
чей удел был – гниение
и зловоние,
принимаемое ими за обыденность;
волна их сигналов совсем
проста и умеренна и
понять её можно при условии,
что мясо твоё отравлено
дыханием копошащихся химер,
что повсюду, но кажутся дымкою.

Они говорили мне порою,
не явно, а будто бы знаками:
«Уничтожь печаль
в твоём сердце,
ибо лишь мгла
является
нашей атмосферой и истиной,
воздухом нашего существования».
Говорили они:
«Мы – твои создатели;
ты возник по нашему
замыслу,
и желанию, и убеждению;
сцеплением наших атомов
создавались твои атомы,
твои чувства —
то наши чувства,
а мысли твои —
наши мысли,
и твоё существование загадочное —
лишь обрывки наших снов
и мечтаний;
ты спаян нетленными узами
с нами —

твоими богами».

Я богов убивал ежедневно,
настоящих богов – не этих,
тех, что пылали как Солнце,
и манили, и звали,
и даже
предлагали стать их собратями...
Своей воли
усилием бешеным
разрывал я их коконы —
они лопались
ослепительными вспышками.
Мне было больно,
и раны ныли —
их много теперь, этих ран.
Но сам
предназначенный
быть богом,
через эту боль
я им становился;
и звание моё отныне —
низвергатель богов,
не призраков.
Такovým я останусь в Вечности...

«Я велик в своём одиночестве...»

Я велик в своём одиночестве,
Обречённость – моя империя;
Моей ауры хрупкой материя
Ядовитей, чем ауры прочие.

Я вливаюсь в потоки зыбкости,
Изливаясь, сквозят что в неведомом.
И со страхом, мне истинно преданным,
Разлучаюсь в бушующей дикости.

Мера ценности жизни – отчаяние.
Чем отчаянней, тем и ценней она;
Где-то там, на глубинах безмерного дна
Происходит с безумством венчание.

Но в моём изошрённом сознании
То не дно, а вершина величия.
Я поэтому лик свой сменил на обличие
Существа, чей закон – угасание.

«Мрамор дробился, и белый...»

Мрамор дробился, и белый,
С жилками серости лет
Искры швырял в незрелый
Бледно-лиловый рассвет.

Там, у сплетения сути
Сна и реальности дней,
Нервными всплесками ртути
Билось круженье огней.

Билось и будто сливалось
В нежную ткань полотна,
Что через миг превращалась
В мерзость слепого пятна.

Да, в каждом миге – потеря,
Страх и отчаянье, да;
Странно: был, буду, не веря
В отзвуки слова «всегда».

Плавится, рушится, поет...
Боль, ты со мной? Тронь, вот тут.
Слышишь, протяжно как воет
Голая страсть алчных уд.

Это всего лишь виденье,
Это лишь разума сбой —
Тихая жуть откровенья,
Что убивает собой.

Нежность, приди ко мне, слышишь!
Я возвращаюсь опять
В горд свинца, где на крышах
Так хорошо умирать.

Снова лишь миг. Исчезает
Ярость в душе и в глазах;
Снова огни потухают
Блестками в буйных ветрах.

Тишь – и дрожание плоти,
Ненависть снова нема.
Я понял всё: в этой ноте
Жизнь заключалась сама.

Дежа вю

А ведь всё это было когда-то,
А ведь всё это было уже:
Отражаясь в пустот мираже,
Вечно быть обязуясь утратой,
Каждым жизнь отмеряя закатом,
Время старилось где-то в душе.

«Я уже не хожу, посмотри!
Я уже не хожу, я летаю!»
Да, я помню то чувство, я знаю
Эту странную хрупкость внутри,
Эти странные грёзы, их три:
Я рождаюсь, живу, умираю.

И небесные своды тонки,
Да и твердь под ногами хрустальна;
Ты одна, ты мертва, ты печальна —
И плывут по течению венки.
Жизнь и смерть – далеки и близки,
Так бывало всегда, изначально.

Ослепительно-горькая просинь —
Время жатвы, но нам – голодать.
Знаешь, эти года, как сказать...
Может лучше б их не было вовсе,
Может лучше сорваться с той оси —
Не рождаться и не умирать?..

Да, но время ведь старится где-то,
В чьей-то тонкой, звенящей душе,
Морщит панцирь в лихом вираже,
Порождает глухие сонеты
В зной игриво-госкливого лета...
Боже мой – это было уже!

«Мне нравилась женщина... Женщина? Нет...»

Мне нравилась женщина... Женщина? Нет,
Не плоть и не кровь составляли
Тот образ, всплывал что как правило вслед
Моей властной сути – печали.

Она проявлялась, печаль, но как дым,
Лишь став на мгновенье желаньем,
Стирала из памяти фибром одним
Бурление снов и терзаний.

Какие-то чувства, пылинки утрат
В душе пробуждались незвано.
Мне нравился смех её, но во сто крат
Я слёзы любил её, странно...

Ещё я любил её смерть, а ещё
Хотел не рождать её снова;
Но разум не знал, где здесь нечет, где чёт
И зеркала жаждал кривого.

Я мучился – долго, отчаянно, мне
Казалось, что шупальцев змеи
Сосали из чрева в пустой тишине
Нектар мой. Я делался злее.

Я делался твёрже, быть может мудрей;
Наверное, это призванье —
Уйти в глубину и вкусить поскорей
Щедрот от того состоянья.

Я звал это «женщиной», мне самому
Хотелось назваться «мужчиной»,
К началу придти, пусть пока к одному,
Без цели и веской причины.

Но лишь на мгновенье, всего лишь на миг
Возжаждав распада виденья,
Я тут же на шёпот менял нервный крик
И вновь обретал к ней почтенье.

Смирался с водою, землёй и огнём,
Хоть сущности их мне не милы,
Лишь воздух кляня лютой руганью – в нём
Мои тихо таяли силы.

Бежали секунды, мелькали века,
И в безднах их след узнавая,
Свой страх поборов, улыбался слегка:
«Ты здесь? Что же, здравствуй, родная!..»

Огонь

И мы смотрели на огонь,
И мы хотели прикоснуться,
Чтоб тотчас вырваться, очнуться...
Но, дрогнув, медлила ладонь.

Утробной похоти пожар
Мечтав сравнить с огнём природным,
Души аморфность со свободным
Стихий горением; угар

Трескучих лет и зим бесплодных
Из глубины телесных нор
Развеять по ветру, как сор,
Мечта была умов голодных.

Но миг отрыва от основ,
Миг воспаренья над отчаяньем
Пронёсся тотчас, и венчаньем
Со страхом, под звуки хоров

Его закончился полёт.
Лишь ветер дул всё также скромный,
Лишь мир безмолвствовал огромный,
Нам подарив тоски налёт...

Огонь горел недолго. Мы
Его с досадой затушили.
И искры алые кружили
И гасли, прячась за холмы...

Аттила

Я знал снисхождение неба,
Я чувствовал горечь земли.
Коварно, настойчиво, слепо
Росли, извивались, цвели,

А после кукожились, стыли,
Сорвавшись, гноились слюдой,
Плоды безграничности силы,
Вели что меня за собой.

Я мерно ходил по долинам,
Грустил на излучинах рек
И вовсе казалась недлинной
Та мера отчаянья – век.

Внимая, как остов твердыни,
Всем игрищам вод и огня,
Я знал, что величем и ныне
Снабжает безбрежность меня.

И рая забытого кроме
Одну был научен чтить твердь,
Где счастье – в тягучей истоме,
И где неизбежностью – смерть.

Я помнил цвета постоянства,
Я видел отметины нег;
В одной лишь – постыдного чванства
Мой нимб неразумно померк.

В других – забыты и печали —
Он жарче блистал и ясней.
Но самую странную звали
Как будто бы нежность, я с ней

Разнился лишь в скромных деталях,
Лишь парой мельчайших частиц;
Но жертвою ложных реалий
Был вынужден часто пасть ниц.

Её ненавидел я люто,
Но, двойственной сущности раб,
Искал подсознательно чуда,
Стремившись к теплу знойных лап.

Я ей обожжён был, не спорю,
Но вскормлен был всё же другой.
Не важно, к стыду что и к горю
Порыв был направлен у той.

Лишь ненависть – вечная правда,
Царица подлунных степей,
Была рождена мною; равно,
Как я был извергнутым ей.

Любовница – вечно с тобою,
Сестра моя – вечно в тебе;
Уж если владеешь судьбою,
Потворствуй же этой судьбе!

«Усталые грёзы тревожны...»

Усталые грёзы тревожны.
Остатки безумств – коротки.
А чувства – противны и ложны,
Хоть их и лелеешь ростки...

«Ласковые тени, будущего сны...»

Ласковые тени, будущего сны
Были непорочны, стали вдруг грешны.
Были тихи, вялы, сделались резвей,
Показалось – лучше, оказалось – злей.

Яркая окраска невесомых сфер
Медленно тускнела в сырости пещер.
Сонмы червоточин из эфирных недр
Выпустил Создатель, будучи столь щедр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.